

**СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ)**

Р.Х. Усманов
(Россия, Астрахань)

Статья рассматривает современные геополитические процессы в регионах, подверженных экономическому кризису в результате глобализационных изменений. Анализируются события, происходящие в странах Северной Африки и Ближнего Востока, повлиявшие на государства Западной Европы. Акцентируется внимание на геополитическое положение Каспийского региона и роли России и Ирана в этнополитических процессах, а также рассматривается конфликтогенный потенциал в республиках Кавказа. Исследуются научные центры и труды специалистов, изучающие проблемы налаживания диалога культур и цивилизаций.

Article considers modern geopolitical processes in regions subject to an economic crisis as a result of globalization changes. It is analyzed the events occurring in the countries of the North Africa and the Near East affected the states of the Western Europe. The attention to geopolitical position of the Caspian region and a role of the Russia and Iran in ethnopolitical processes is focused, and also considered conflict potential in republics of caucasus. Centers of science and the works of experts studying problems of adjustment of dialogue of cultures and civilizations are investigated.

Ключевые слова: политический процесс, международные отношения, геополитика, глобализация, европейское пространство, экономический кризис, миграция, этнополитический конфликт, регион, население, конфликтогенный потенциал.

Key words: political process, international relations, geopolitics, globalization, European space, economic crisis, migration, ethnopolitical conflict, region, the population, conflict potential.

Наиболее важный фактор последнего времени – мировой экономический кризис, повлиявший на геополитическое положение некоторых стран и в целом на Европейский союз, вследствие миграционных, экологических и демографических проблем в ряде европейских и ближневосточных государств.

Сегодня весь мир следит за событиями в Западной Европе, связанными с целостностью Европейского союза и «цепной революцией» в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Однако, «ставить точку в развитии обстановки на Ближнем Востоке и в Северной Африке еще рано, но анализировать происходящие события нужно уже сегодня. Помимо радикальных сдвигов в этих регионах мир столкнулся с тем, что военное вмешательство извне с целью поддержать одну из сторон во внутренних конфликтах становится нормой. К тому же может освящаться аморфной резолюцией Совета безопасности ООН...» [17, с. 205]. В этом случае, можно вполне согласиться с выводом, который делает академик Е.М. Примаков, что «такие массовые акции протеста, начавшиеся в Тунисе, охватившие Египет и распространившиеся на другие арабские страны, не были заранее организованы никакой политической силой, в том числе исламской» [17, с. 191]. Видимо это не какие-либо частные причины, касающиеся определенных государств, а нечто большее, связанные с глобализационными политическими процессами и изменением вектора геополитических сил ведущих мировых держав.

Но вместе с тем мы наблюдаем то, что во многих странах Ближнего Востока, да и в других странах, события разворачиваются не по цивилизованному сценарию. Вместо утверждения демократии, вместо защиты прав меньшинства происходит выталкивание противника, переворот, когда доминирование одной силы сменяется еще более агрессивным доминированием другой. «Нельзя допустить, чтобы «ливийский сценарий» кто-то попытался реализовать в Сирии. Усилия международного сообщества должны быть направлены, прежде всего, на достижение межсирийского примирения. Важно добиться скорейшего прекращения насилия, откуда бы оно ни исходило, запустить, наконец, общенациональный диалог – без предварительных условий, без иностранного вмешательства и при уважении суверенитета страны» [5].

Старые подходы и имеющиеся рецепты анализа создавшегося положения не дают эффективных рекомендаций в нормализации и улучшении ситуации в этих странах. Данная ситуация доведена до того, что без серьезных кардинальных измене-

ний и принятия чрезвычайных мер, например в странах Ближнего Востока невозможно будет урегулировать создавшееся положение. Сегодня глобализационные процессы все больше и больше становятся очевидными в современном мировом пространстве и самым непосредственным образом касаются одной из стратегических звеньев между Севером и Югом – Россией и Персидским заливом – как источник снабжения нефтью и газом рынков Европы, Каспийского региона. О том, что Каспийский бассейн является энергетической кладовой XXI в., в последнее время наиболее полно написано в работах отечественных и зарубежных ученых [7]. Более того, например, в монографиях А. Магомедова и Р. Никерова, авторы констатируют, что очень часто каспийской нефти придавался налёт геополитической таинственности, что позволяло слишком сильно преувеличивать энергетическое значение Каспийского региона. Этот ареал рекламировали то, как безопасный энергетический рай, то превозносили как «энергетическую пуповину Запада, свободную от российского влияния» [13, с. 13–14]. Многочисленные описания каспийских энергоресурсов волею или неволею вели даже к оценке Каспия как потенциальной альтернативы Ближнего Востока.

Каспийская проблематика не сводится только к углеводородному сюжету. Она намного сложнее и многограннее. Каспийский ареал претерпевал огромные переоценки, превращаясь из евразийской периферии, каким он был в эпохи политической стабильности, в динамичный геополитический перекрёсток, каким он становился в периоды крупных политических потрясений. Такие превращения всякий раз были связаны и с геополитическим отступлением России и оголением её южных границ. Выход Каспия из-под российского контроля всякий раз превращал этот регион в спорную над-национальную единицу, обостряя борьбу за доминирование над ней. Как указывал В. Максименко, в XX в. именно такие эпизоды (сначала крушение Российской империи в 1917–1920 гг., а затем распад СССР в 1991 г.) побуждали западных геостратегов (в своё время У. Черчилля, а затем З. Бжезинского) рассматривать территорию Кавказа и Средней Азии в сугубо подсобной роли «мягкого подбрюшья» Евразии, где Россия как «осевое континентальное государство» (в терминологии Х. Макиндера) оказывалось наиболее уязвимым [13, с. 13].

Что касается нефтегазового фактора, то, как заявляют авторы монографии А. Магомедов и Р. Никеров, что Каспийский бассейн выступает не альтернативой, а скорее энергетическим дополнением Персидского залива. «Если брать региональные критерии, то для прикаспийских стран данный ресурс имеет жизненно важное значение. Открытие нефтяных месторождений Тенгиз, Кашаган и Карачаганак на казахстанском шельфе и газовых месторождений Южный Илотань – Осман и Довлетабад в Туркмении, сделали каспийские углеводороды важной частью мирового энергетического рынка. Например, казахстанский Кашаган – крупнейшее нефтяное месторождение в мире из числа открытых за последние 30 лет. По мнению бывшего посла Индии в Узбекистане и Турции М. Бхадракумара, запасы Кашагана составляют 7–9 млрд баррелей: настоящая жемчужина в нефтяной короне Каспийского бассейна. А по данным статистического обзора мировой энергетики British Petroleum, добыча газа в Туркмении за последнее десятилетие увеличилась в 4 раза, в связи с чем эта страна стала более весомым газовым производителем, чем Нидерланды» [13, с. 14].

Однако, даже если потенциальные углеводородные возможности Каспийского региона могут сделать его значимым фактором международной энергетической политики, реализовать данный потенциал возможно только через контроль над трубопроводами, которые выведут ресурсы региона к мировым потребителям. Поэтому мы вполне согласны с заключением авторов исследования А. Магомедова и Р. Никерова о том, что актуальное значение Каспийского бассейна лежит не только в энергетической, но в транспортной и военно-политической плоскости, имеющее, естественно, и экономическое измерение. Весьма поучительный урок использования данного региона заключается в том, что пограничная и транзитно-коммуникационная функции в настоящее время всё же преобладают над всеми другими. В течение многих столетий Каспий выступал в качестве важнейшей транспортной коммуникации, соединяя части евразийского континента по направлениям Север – Юг, Восток – Запад [13, с. 13–14].

Последствиями таких международных глобальных процессов и проявлением своих национальных интересов со стороны ведущих держав мира в немалой степени являются события в Ираке, на Северном Кавказе, периодически обостряющиеся отношения Исламской Республики Иран с государствами Израиль и США, военный конфликт Грузии с Россией и т.д. Обусловлено это главным образом и в первую очередь, как мы отметили, природными углеводородными ресурсами, которыми обладают прикаспийские государства, а также географическим положением региона, где пересекаются транспортные, торговые пути и само море, являющееся уникальным биоресурсом. Кроме этого, на данный геополитический фон накладывает свой отпечаток и те миграционные процессы, которые происходят в этом прикаспийском регионе, накапливая соответственно тот конфликтогенный потенциал, который в значительной степени может изменять геополитическую ситуацию в прикаспийских регионах в пользу некоторых заинтересованных государств [7].

Каспийский регион для США остается по-прежнему одним из главных направлений во внешней политике, что придает ей стимул для осуществления активной деятельности и попытки завоевания приоритетных позиций на международной арене [23, с. 171–173]. Однако наряду с общепринятыми цивилизованными методами осуществления межгосударственного диалога США с рядом Каспийских государств явно прослеживается и тенденция к стремлению позиции сверхдержавности. Так, например, уже не впервые мы наблюдаем, что США продолжает придерживаться политики двойных стандартов в отношении Ирана. «Они потеряли в Иране режим, который был стопроцентно ориентирован на Америку, и, естественно, Вашингтон был крайне недоволен тем, что на смену ему пришла независимая власть, не нацеленная ни на Запад, ни на Восток. Именно с этим связана негативная пропаганда Запада против нас... Можно суммировать, что страны, которые исповедуют двойной стандарт, теряют право на выдвижение претензий кому-либо» [15, с. 4].

США неоднократно заявляли о том, что в отношении Тегерана они будут проводить «агрессивную дипломатию» [6, с. 4]. В ответ президент Исламской республики Ирана М. Ахмадинежад не побоялся в своем письме президенту США Бушу-младшему назвать всю внешнюю политику Вашингтона вершиной лицемерия и фарисейства, а их утверждения о защите ими интересов мирового сообщества не выдерживают никакой критики [2]. На сессии ООН в сентябре 2009 г. М. Ахмадинежад заявил, что «недопустимо, чтобы страны, находящиеся на расстоянии в тысячи километров, вмешивались в дела Ближневосточного региона. Вторжение в Ирак и Афганистан осуществлялись под лживыми лозунгами обеспечения безопасности и борьбы с распространением наркотиков» [12, с. 2].

В отношении Ирана действует резолюция ООН 1747, принятая в марте 2007 г., которая ввела целый ряд новых санкций, направленных на противодействие ядерной программе. В частности, заморожены счета 13 иранских компаний и 15 физических лиц. В резолюции содержится рекомендация другим странам отказаться от продажи Тегерану оружия и выделения кредитов [3, с. 3]. Однако эффект этих санкций крайне мал. «На деле набор средств давления на Иран ограничен. Шансов на принятие санкций мало, поскольку их, очевидно, поддержит Россия, но не Китай. Будучи приняты, санкции могут нарушаться компаниями, заинтересованными в иранском рынке. Если они будут выполняться, их легко обойти при помощи контрабанды. И уж совсем не грозит Ирану судьба Ирака и Афганистана, где завязли воинские контингенты, выделенных НАТО и США для ведения в регионе боевых действий» [19, с. 6].

Жесткая политика США в отношении Ирана и одностороннее принятие санкций к частным компаниям, замеченных в сотрудничестве с иранской стороной, ставит европейско-американские отношения в конфликтную ситуацию, поскольку ЕС все же заинтересован в экономическом сотрудничестве с Тегераном. Проблема применения американского законодательства за пределами США уже не раз возникала в европейско-американских отношениях [20, с. 7].

Вполне понятно, что и сегодня внешнеполитические установки США явно просматриваются на фоне мировых геополитических процессов. Например, США через

Турцию, как члена НАТО, имеющий тесные исторические связи с Азербайджаном (и все прочнее увязываемая различными проектами с Грузией), и посредника между Западом и республиками, через которого можно консолидировать собственные позиции, пытается проводить собственную политику гегемонистских интересов в Каспийском регионе. Одна из задач этой политики принизить влияние Ирана, который изначально воспринимается для США как противник и старается максимально ограничить его роль, как на Южном Кавказе, так и на Каспии.

Многие стратеги в Вашингтоне еще в 1990-х гг., убеждали демократическую администрацию в том, что укрепление американского влияния на Каспии должно быть главной целью американской политики. Высокопоставленный сотрудник Совета национальной безопасности Ш. Хеслин утверждала, что «США просто не могут допустить, чтобы Россия (или Иран) доминировали над энергоресурсами Каспия с теми огромными политическими рычагами на регион и Европу, которые дает такое влияние ... все больше Каспийский регион становится не только важным компонентом энергобезопасности Запада, но и опорой в меняющемся балансе сил в Евразии, Азии и Ближнем Востоке» [24]. Все это становится особенно актуальным в настоящее время.

Российские политические аналитики определяют российско-иранские отношения как партнерство с определенными перспективами. Можно согласиться с тем, что у России с Ираном существуют некоторые спорные проблемы на Каспии. Прежде всего – это проблема разграничения дна Каспийского моря. Следует подчеркнуть, что конфликт газовых интересов имеет объективную основу и не носит острого политического характера, как по проблемам раздела самого Каспия.

Российская сторона всегда выступала в своих отношениях с Ираном, как и с другими Каспийскими государствами, с позиции диалога культур. Официальная Москва неоднократно заявляла в своей заинтересованности развития мирных добрососедских отношений. «Россия не верит в эффективность санкций... Она отстаивает интересы на Каспии, избегая конфликта с Ираном в Закавказье. Не хочет ирано-израильской войны... Торгует с Ираном, категорически выступая против нарушения режима нераспространения. При любом развитии событий минимизирует риски, стараясь извлечь из ситуации все что возможно. Что критикуется извне, но прагматично и разумно» [19]. Россия заинтересована в добрососедских отношениях со своим южным соседом. Москва предпочитает осуществлять с Тегераном преимущественно «гражданские проекты» (экономика, культура, образование, торговля)» [9, с. 9].

В отношении России в иранской столице была выдвинута идея о «стратегическом союзе Москва – Тегеран». В России прекрасно понимают авторитет и значение 72-миллионного Ирана и делают все, чтобы на принципиальной основе нераспространения ядерного оружия не разрушить то позитивное, что существует в российско-иранских отношениях [9]. Такие отношения и российская позиция диалога цивилизаций касаются и всего Каспийского региона, включая государства Ближнего Востока (Ливия, Сирия). В наших работах упоминается, что Южный и Северный Кавказ, как составляющая геополитики Каспийского региона, является территорией стратегического значения, за которую ведется острейшая борьба ведущих на мировой арене государств, т.к. кроме своих природных ресурсов, он является перекрестком цивилизаций, тем регионом, владение которым позволяет обеспечивать влияние на территории, выходящие за его пределы. Одновременно нестабильность, например на Северном Кавказе – это нестабильность на значительных евразийских пространствах не только России, но и других государств, которые многими нитями (в том числе этнокультурными) связаны со всем Кавказом [22].

Весь этот широкий спектр изложенных проблем является одной из задач наших исследований, касающихся изучения политических процессов южных регионов России, связанных с другими территориями, которые являются одновременно и северным регионом Каспия. Сегодня необходимо исследовать те процессы, которые здесь происходят, а именно, как влияет миграция, демография, экология и этнополитические конфликты на геополитическое положение прикаспийских государств и т.д. Необходимо сегодня сделать попытку анализа и прогнозирования этих процессов, влияю-

щих на положение России, выработки ее позиции и дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами на мировой политической арене. Актуальность данной проблемы обосновывается обострившимися отношениями, как между государствами Каспийского региона (например, в споре по разделу границ Каспийского моря и ее ресурсов), так и между мировыми державами, которые стремятся за контроль над ситуацией в этом регионе.

Поэтому вполне понятно, что данная проблема вследствие своей чрезвычайной актуальности активно обсуждается на различных межрегиональных и международных научных форумах. Имеются научные материалы исследователей политологов, социологов, юристов по проблемам Каспийского моря, прикаспийского региона. Основные направления исследований в мировой науке касаются, как было отмечено, проблем границ раздела Каспийского моря между прикаспийскими государствами, а также экологии, сохранения биоресурсов Каспия, разработки углеводородных ресурсов, проведения транспортных коридоров с выходом в Индию, размещения военных баз на территориях прикаспийского региона [7, 10, 18].

В результате исследовательской работы сотрудников центра политических исследований Прикаспийских государств Астраханского государственного университета, после апробации проектов на международных научно-практических конференциях¹ был издан ряд работ: «Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России)», «Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее», «Юг России в миграционном и этноконфликтном измерениях» и др. На одной из последних Международных научно-практических конференций «Каспийский регион в эпоху глобализации: проблемы, тенденции и перспективы международного сотрудничества» (Астрахань, сентябрь 2011 г.) был дан анализ сложившейся ситуации в регионе в условиях глобализации. В данном случае выделяется объективная позиция складывающейся ситуации на Каспии участников научной конференции – ученых из Германии, Москвы, Азербайджана (Бакинский славянский университет) [1, с. 21–30] и сотрудников консульства Казахстана в Астрахани. В этом контексте сформулирован ряд предложений о развитии и обеспечении политической, социально-экономической и культурной безопасности этого поликультурного, стратегически важного региона. Необходимо отметить, что продолжающийся финансово-экономический кризис, а также замороженные конфликты вблизи или на пути нефтегазовых трубопроводных маршрутов создают определенные риски и опасности для Прикаспийского региона, имеющего нефтегазовые ресурсы мирового масштаба. Поэтому для стран мирового сообщества чрезвычайно ценным является исторический опыт Прикаспийских стран и народов, которые на протяжении многих веков выработали реальные культурно-исторические традиции толерантности и политкорректности. Все это, безусловно, может способствовать процветанию мирососедского диалога культур, а позитивный опыт этих стран может быть перенесен и на другие регионы и может стать общепринятой нормой культурно-политического поведения, способствуя устранению угрозы конфликта цивилизаций.

Список литературы

1. Алиев О. Азербайджан и каспийская нефть: геополитические аспекты международного сотрудничества / О. Алиев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 1 (30). – С. 21–30.
2. Ахмадинежад М. Вопросы без ответов / М. Ахмадинежад // Советская Россия. – 2006. – № 59.
3. Булавин В. Через полгода Иран станет ядерной державой? / В. Булавин // Известия. – 2009. – № 126 (27897). – С. 3.
4. Вестник Каспия. – 1998. – № 4.
5. Путин В. Россия и меняющийся мир / В. Путин // Московские новости. – 2012. – № 224 (224).

---

¹ Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тысячелетия (Астрахань, 2001 г.), Единый Каспий: межгосударственное сотрудничество и проблемы экономического и социального развития региона (Астрахань, 2002 г.), Великий Волжский путь (Казань, 2002–2005 гг.), Россия и Восток. Проблемы толерантности в диалоге цивилизаций (Астрахань, 2007 г.).

6. Воробьев В. Пятый угол Тегерана / В. Воробьев // Российская газета. – 2007. – № 258 (4521). – С. 4.
7. Дмитриев А. В. Юг России в миграционном и этноконфликтном измерениях / А. В. Дмитриев, П. Л. Карабущенко, Г. В. Клочков, Р. Х. Усманов. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2010. – 233 с.
8. Дмитриев А. В. Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России) / А. В. Дмитриев, П. Л. Карабущенко, Р. Х. Усманов. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2004. – 317 с.
9. Евсеев В. Карибы, Иран и Кавказ – три большие мозоли США / В. Евсеев // Аргументы и факты. – 2008. – № 38 (1455). – С. 9.
10. Жильцов С. С. США в погоне за Каспием / С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – М. : Международные отношения, 2009. – 200 с.
11. Жить вместе в Европе в XXI в. Международная группа презентует доклад в поддержку культурного многообразия // Коммерсантъ. – 2011. – № 82. – С. 8.
12. Известия. – 2009. – № 177 (27948). – С. 2.
13. Магомедов А. Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма / А. К. Магомедов, Р. Н. Никеров. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 259 с.
14. Магомедов А. К. От Большого Каспия до Сахалина. Характер и рубежи борьбы за энергоресурсы Северной Евразии на этапах посткоммунизма / А. К. Магомедов, Р. Н. Никеров. – Ульяновск : УлГУ, 2011. – 351 с.
15. Мехди Сафари. Западу не помешало бы сменить очки / Мехди Сафари // ВЕК. – 2000. – № 26 (391). – С. 4.
16. Мигранты разъединили Европу. Еврокомиссия и Европарламент спорят о приезжих из Северной Африки // Коммерсантъ. – 2012. – № 83.
17. Примаков Е. М. Мысли вслух / Е. М. Примаков. – М. : Российская газета, 2011. – 207 с.
18. Рубан Л. С. Каспий – море проблем / Л. С. Рубан. – М. : Наука, 2003. – С. 9–10.
19. Сатановский Е. Плюс-минус бомба / Е. Сатановский // Известия. – 2009. – № 183 (27954). – С. 6.
20. Терехов А. Европа устроила демарш Вашингтону: Односторонние санкции США против Тегерана рискуют подорвать усилия американцев в СБ ООН / А. Терехов // Независимая газета. – 2010. – № 047–048 (4960–4961). – С. 7.
21. Алехина Ю. Отказ от толерантности / Ю. Алехина // Комсомольская правда. – 2011. – 5 февраля.
22. Усманов Р. Х. Роль трубопроводных проектов и этнополитических конфликтов в формировании геополитической картины Кавказского-Каспийского региона : мат-лы круглого стола / Р. Х. Усманов // Власть. – 2011. – № 10. – С. 169–176.
23. Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике / Т. А. Шаклеина. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 272 с.
24. Heslin S. The New Pipeline Politics / S. Heslin // The New York Times. – N.-Y., 1997. – November 10.

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КОСОВО В УСЛОВИЯХ НЕЗАВИСИМОСТИ (ПО ИТОГАМ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2010 г.)

**С.А. Робская
(Россия, Краснодар)**

В статье определены трансформации политических партий Косово после провозглашения независимости (на материалах парламентских выборов 2010 г.). Проведено сравнение идеологии и электоральных ресурсов основных партий Косово.

In this article the transformations of the Kosovo's political parties after the proclamation of independence are determined (on materials of the parliamentary elections in 2010). The comparison of the ideologies and electoral resources of the main political parties in Kosovo is realized.

Ключевые слова: политические партии, развитие, парламентские выборы 2010 г., Косово, независимость.

Key words: political parties, the development, parliamentary elections in 2010, Kosovo's independence.

Актуальность темы вызвана тем, что в новых постконфликтных государствах создание демократических институтов политической системы проблематично. Одним из ведущих индикаторов государственной состоятельности политическая наука